

Василий Федоров-Иваницкий

СОТРУДНИКИ ИЛИ КОНКУРЕНТЫ?

Аннотация. Показан эффект продуктивного взаимодействия уникальных личностных качеств двух художников: писателя и графика. Речь идет о произведении Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс» и о графическом воплощении образа в иллюстрациях Д.И. Митрохина.

Ключевые слова: Особенности идентификации художника-графика с текстом художественного произведения; творческое сотрудничество; единомыслие.

Abstract. The effect of productive cooperation of the unique personality qualities of two artists (painter and graphic) is shown. It concerns the work “Jew Ziuss” by L. Feuchtwanger and graphic embodiment of the image in the pictures by D. I. Mitrokhin.

Keywords: Features of identification of the artist-graphic with the text of the artwork; creative cooperation; agreement of opinion.

Проблема взаимоотношений между произведением писателя и художественным оформлением книги

Многие любители искусства, а тем более профессионалы, знают, что иллюстрации и оформление книги – это великое искусство и что прошедшие эпохи оставили нам немалое количество произведений, созданных талантами и даже гениями. Как всякое искусство, оно имеет свои особенности, свойства и проблемы.

Здесь мы рассмотрим вопрос о взаимоотношениях литературы и искусства на примере книги крупнейшего немецкого писателя Лиона Фейхтвангера «Еврей Зюсс» и иллюстраций к ней, выполненных выдающимся русским художником Дмитрием Митрохиным.

Можно только радоваться такому интернациональному сотворчеству. Но заметим сразу, что личного общения между двумя художниками никогда не существовало. Ведь книга вышла в 1936 году – в эпоху, когда власть сурово пресекала «лишние» контакты своих граждан с гражданами стран «враждебного капиталистического окружения». Таким образом, если взаимоотношения между писателем и графиком и были, то они были чисто «виртуальными» и мысленными, да и то лишь в мыслях оформителя (писатель об оформителе не ведал).

Однако взаимоотношения художника с произведением писателя, а также взаимоотношения между произведениями были, разумеется, вполне реальными. Но если были отношения, то, естественно, оба произведения – текст и иллюстрации – влияли и влияют друг на друга до сих пор в сознании читателей. При этом влия-

Глубокий гуманизм
романа
Л.Фейхтвангера

ние текста на картинке больше, чем наоборот, так как текст первичен, а оформление вторично. И конечно, текст содержит большую информацию по сравнению с иллюстрациями.

Произведение Фейхтвангера – исторический роман из жизни герцогства Вюртембергского раздробленной тогда Германии первой половины 18 века. Его герои – исторические лица, прежде всего это Иосиф Зюсс Опенгеймер и герцог Карл-Александр. Содержание романа довольно мрачное, трагическое, с коннотациями саркастическими и скорбными. К периоду работы над оформлением этой книги Митрохину не очень часто приходилось оформлять произведения, насыщенные в такой степени содержанием столь мрачным и тяжелым. Сама жизнь общества и большинство героев вызывали у писателя сарказм и возмущение, презрение и отрицание, а бесправные, страдающие – сострадание и боль, что ясно не из деклараций автора, а из чувств, которыми пронизано повествование. Что же до «верхушки» общества, то в описании Фейхтвангера это какой-то безобразный «бестиарий», и самым хищным из зверей его является лихой и бесшабашный, грубый и жестокий, «бешеный» (так пишет автор) и похотливый, как сатир, герцог Карл-Александр. Много зла и горя творят и прочие «светила» нации. Настоящие же праведники очень малочисленны; в основном это – поставленные на высшую ступень бесправия и унижения евреи (так было и во всей Германии).

Однако устои социального неравенства действуют не только среди немцев, но и среди евреев, у которых тоже есть простой народ и социальная верхушка, состоящая из религиозных иерархов, единичных гениев финансового дела, – так называемых *придворных факторов* или просто из богатых евреев. На привилегированных персон угнетение и бесправие не распространяются.

Личность
и жизненные
мотивации
главного героя

В герцогстве придворным фактором (благодаря великому таланту) стал главный герой романа Иосиф Зюсс. Он не обладал каким-либо государственным постом, а приватно был лишь главным советником Карла-Александра. Но на деле он исполнял роль все-сильного министра финансов, управлял финансами страны, а через них и всей страной. Именно он формировал богатство герцога, всю роскошь его жизни, его огромнейшую армию (герцог был бравым воякой и любил командовать и воевать). Зюсс также поставлял властителю молоденьких красавиц. Перед герцогом он соблюдал подобострастный этикет, понимая, что здесь он лишь слуга, а герцог – его неограниченный хозяин.

Рис. 1. Д.И. Митрохин. Фронтиспис к книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

Рис. 2. Д.И. Митрохин. «Иосиф Зюсс и Исаак Ландауэр». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

Но зато он был выше всех вместе взятых остальных, и перед ним дрожали прокуроры, депутаты сейма, министры и прочая, как он выражался, «мелюзга». И со всеми был он тверд, высокомерен и суров.

Обеспечивая герцога и армию, Иосиф Зюсс не забывал и себя. Потоками сливались деньги и в его карман. Он выстроил себе роскошнейший дворец, обставленный по-княжески, имел и золото, и драгоценности, носил на пальце бриллиант, самый дорогой и крупный не только в герцогстве, но и во всей Германии. Внешне он был весьма красив, одет по последней моде из Парижа, умел быть исключительно любезным, был еще молод, покорял любых красавиц (кроме герцогини).

Крупно Зюсс изображен на *фронтисписе* (листе слева от титула), на котором он гарцует на своей кобыле с именем Ассиядэ (Восточная) – одной из самых лучших в герцогстве и рожденной в конюшнях самого халифа. Он в роскошном одеянии. К сожалению, рисунок не в состоянии передать сияние драгоценных камней, которыми усыпаны пряжки башмаков и его перчатки. Про-

Художник создает изображение в стиле парадных портретов

хожие повсюду останавливаются, «взгляды женщин, исполненные страха и похоти», стремятся ему вслед. Художник создает изображение, похожее на парадные портреты коронованных особ, восседающих на лошадях, поднявшихся на задние конечности. Парадности способствуют и площадь с жилищами богатых граждан, и клубящиеся облака, почти что симметрично расположенные в небе, и овал, в который помещен портрет.

Художник эстетизирует и облагораживает сцену

С еще более близкого расстояния мы видим Зюсса на иллюстрации «Иосиф Зюсс и Исаак Ландауэр». Правда, на ней Зюсс – еще не великий герцогский фактор Карла-Александра: пока он занимает должности гораздо меньшие. Ландауэр же давно был фактором высокого полёта, и Зюсс в сравнении с ним был «что ящерица перед крокодилом». Но внешнее сравнение было не в пользу старшего. Красавец Зюсс уже тогда одет был в дорогой кафтан, расшитый серебром и с дорожными манжетами из кружев. На голове его надет изящно завитой парик. Он был строен и выглядел на 10 лет моложе своего действительного возраста. Ландауэр же – богач с огромной тайной властью (которую он прятал от людей) внешне – заурядный малообеспеченный еврей в засаленном кафтане, с

жидкою бородкой и смешными еврейскими пейсами (прядями волос, растущих от висков).

Этот контраст двух собеседников и передает художник. Два фактора ведут весьма трудные и напряжённые переговоры и в деловом, и в психологическом аспектах. У художника же сцена излучает благодушие и мир. Зюсс – мужчина экспансивный, резкий, дерзкий, с «вихревыми глазами». Здесь он только изыскан и красив. А мудрый, хитрый, ловкий, твердый Ландауэр – на картинке это милый, добрый, ласковый старик. Остальное же читатель узнает из текста. Атмосфере мира и покоя способствует и интерьер с обоями, на коих нарисованы нежнейшие гирлянды из цветов. Создает идиллию покоя и пейзаж, заглядывающий в комнату через окно. Этому же помогают и приемы техники рисунка, сочетающие трепетные линии штрихов и деликатные, как в лессировках, пятна, и

Рис. 3. Д.И. Митрохин. «Слуги герцога окатывают Зюсса». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

В иллюстрации укоризна автора трансформируется в добродушное веселье

заливки коричневатой-черной акварели (или разведенной туши). В этой технике исполнены и все другие иллюстрации. К сожалению, мы не знаем, сохранились ли оригиналы мэтра, и если да, то где они находятся.

На иллюстрации «*Слуги герцога окатывают Зюсса*» появляется второй главный герой – Карл-Александр. В скором будущем он станет герцогом, но здесь он еще принц, хотя уже фельдмаршал. Однако отрицательные свойства будущего повелителя, конечно, проявляются уже теперь. Иллюстрация показывает принца во время омовенья его слугами. Явился Зюсс с мелкими услугами. Он еще не фактор, хотя принц уже сделал свою ставку на него. Но в этот момент принц сильно раздражен и зол. Чтобы выместить на ком-нибудь кипящую в нем злобу, он приказывает своим слугам «окрестить» (то есть окатить) еврея водою из ушата, что они немедленно и делают. Раздается дикий хохот принца и его прислуги. Это неприятно, часть дорогой одежды навсегда испорчена. Но будущий придворный говорит себе, что в следующий раз он будет еще более почтителен со своим будущим хозяином.

Даже и чувствительный писатель излагает эту сцену без большого осужденья, но художник превращает ее в сцену просто развеселую, комическую. Да, еврей немного пострадал, но зато как весело, забавно все в итоге получилось! В самом деле, это единственная жизнерадостная иллюстрация в оформлении всей книги.

Ёмкость иллюстрации при отображении контента текста

Иллюстрация «*Бесчинства герцогских жандармов*» – это уже время пребывания Карла-Александра на троне герцога, а Зюсса – в качестве его могущественного финансиста. Вот когда народ узнал «почем фунт лиха»! Вот где развернулся гений фактора. Получив неограниченную власть от суверена, Зюсс изобретал бесчисленные утеснения народа: на людей накладывались непомерные налоги, штрафы.

Напряженность ситуации изображается сложной композицией сюжета

Деньги потекли рекой в казну владыки, разоряя и крестьянство, и купечество, и бизнес. Герцогу нужна была огромнейшая армия, поэтому самых здоровых и молодых людей отрывали от земли и забирали в солдаты. У хозяев отбирали лучших лошадей и прочее.

Иллюстрация наглядно отражает это безобразие. Один жандарм отнял у земледельца его лошадь, тот вызывает к милосердию, но «правоохранитель» замахнулся на него кнутом. А другой «защитник права» бьет дубинкой человека, очутившегося на коленях. С воплями бежит испуганная женщина с ребенком. Даже утенок улепётывает прочь от рейдеров. А вверху картинка –

Рис. 4. Д.И. Митрохин. «Бесчинства герцогских жандармов». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

Рис. 5. Д.И. Митрохин. «Появление герцога и герцогини». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

стройные шеренги переделанных в солдатиков крестьян, занимающихся бесполезной строевой шагистикой. В это время их поля покрыты сорняками. Неподалеку новобранец уводит отнятого у владельцев жеребца. Маленькая иллюстрация так ёмко отражает соответствующий текст романа.

Композиционное решение появления главных персонажей

Иллюстрация «Появление герцога и герцогини» представляет прибытие герцогской четы на фешенебельный бал-маскарад, устроенный евреем в его княжеского уровня дворце. Герцог облачен в костюм римлянина-полководца: он в латах и со шлемом, украшенным гривой из конских волос. Герцогиня – в облике Минервы (римской ипостаси греческой Афины). На ней подобье панциря из золота, а на маленькой головке – кокетливый, с красивым перьевым султаном шлемик. Толпа гостей, в которой выделился ростом сам хозяин дома, раболепно изгибается в поклоне перед суверенами. Маскарадные цезарь и Минерва горделиво шествуют по инкрустированному полу, вооруженные жезлами из золота (он – цесарским, она – божественным). В единич-

ной иллюстрации не показано и малой части удовольствий и чудес, столь щедро приготовленных евреем, а также всей кичливой роскоши, разнузданного самовластья, грубости и унижений, перемешавшихся «в одном флаконе». Здесь же в разгар праздника в спальне хозяина дворца (и своего слуги) герцог грубо овладеет восхитительной красавицей и юной девственницей Магдален-Сибиллой – дочерью руководителя церковного совета Вейсензее, на которую имел свои виды и Иосиф Зюсс.

Но, конечно, иллюстрация передала и всю торжественность события, и его высокий ранг, и даже (косвенно) царившую на бале роскошь.

Особая художественная интонация при изображении агрессивной сцены

Резким контрастом этой иллюстрации является картинка пятая – «Преступление». В ней отображена сцена из побочной линии сюжета книги. Здесь начало неприятнейших событий. На рисунке – люмпенизированный и жестокий уличный торговец и его помощница, подруга и любовница. Ночью, под дождем в лесу, напившийся любовник по привычке избивает девуш-

Рис. 6. Д.И. Митрохин. «Преступление». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

Рис. 7. Д.И. Митрохин. «Герцог возле мертвой Наэми». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

ку – бьёт ее бутылкою по голове, пинает, вскоре засыпает, даже не заметив, что он ее... убил! Изображен момент избиения и убийства. Художник тем не менее несколько смягчает ужас сцены: фигура девушки видна не очень ясно, а природа плачет струями дождя. Но лес все-таки красив и озарен яркой вспышкой молнии.

В убийстве обвиняют не убийцу, а одного невинного еврея Иезекииля Зелигмана, которого должны повесить. И вот тут Иосиф Зюсс, вызвав недовольство герцога, совершает наконец-то (может быть, в первый раз в жизни) поступок благородный, – спасает этого несправедливо осужденного.

Лиризм и позитивная направленность искусства художника смягчает трагизм очередного события романа

На иллюстрации «Герцог возле мертвой Наэми» нарисована распластанная мертвая девушка, почти что девочка, но уже другая. Это родная дочь еврея Зюсса – Наэми – девушка небесной красоты, которая жила вдали от суеты и мерзости столичной жизни в доме, окруженном цветниками, среди леса со своим любимым дядюшкой Габриэлем и прислугой. По наущению врага Зюсса Вейсензее герцог едет на охоту в этот самый лес. Вейсензее направляет герцога прямо к ее дому. Ну, а там «хозяин всего герцогства» вламывается в дом со слугами, видит там Наэми и возбуждается для сладостных утех. Уже ночью преследуемая им Наэми бежит по лестнице на крышу и... исчезает (на самом деле бросается вниз, на землю). Ее там обнаружил в цветнике камердинер суверена. Герцог, думая, что это так она от него прячется, опустился на колени и начинает с ней игривый разговор. Однако вскоре понимает, что девушка мертва.

Опять смерть, опять трагедия. Но художник рисует девушку как будто спящей. И вокруг неё прекрасная природа: дворик, угол дома, фрагмент могучего, большого дерева, за стволом которого укрылся камердинер, кусты, цветы... Грех и преступление совершены. Но природа опять этому противится.

Разумеется, никто из свиты герцога ни в это время, ни потом даже не обмолвится о том, что совершилось. Вызванный гонцом, примчался Зюсс. Увидев свою дочку мертвой, он в одну ночь превратился чуть не в старика. Этот равнодушный к горестям других, холодный человек, наконец-то, испытал огромное горе. Герцогу, который бодро объяснил, что он ничуть не виноват в кончине девочки, Зюсс не сделал ни малейшего упрека.

Но преступление хозяина перевернуло его душу, и он решил, что сумеет наказать хозяина по-своему.

Герцог, знающий, какую огромную выгоду ему приносит всякое деяние его фактора, теперь вдруг получает

от него совсем уже феноменальный план, согласно коему он, герцог, ограниченный в своих делах «парламентскою сволочью» (сеймом) и конституцией, сможет превратиться в абсолютного монарха – в своего рода швабского Луи Каторза (Людовика Четырнадцатого)! И для этого необходимо совершить всего-то государственный переворот: отменить парламент, конституцию, заменить одну религию другой, ликвидировать внутренних врагов и еще другие «мелочи». Герцог просто потерял голову от этой перспективы и, как одержимый, бросился осуществлять план Зюсса. Тайная работа закипела, и очень скоро была назначена ночь путча.

И вот тут Зюсс запустил вторую (неведомую заговорщикам) часть плана. Он сумел предупредить парламент и общественные силы о предстоящем путче и сообщил им выбранный пароль. Благодаря этому, в ночь путча заговорщики получили сокрушительный отпор: путч был нейтрализован, а часть путчистов арестована.

Иллюстрация «Расплата» как раз и демонстрирует нам результат провального переворота.

Мы считаем эту иллюстрацию одним из подлинных

Новизна приемов
графики обогащает
восприятие текста

Рис. 8. Д.И. Митрохин. «Расплата». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

шедевров в книжном творчестве художника. Она прельщает сразу же своей оригинальностью – редкую «кинематографическую» композицией, в которой густая ночная темнота покрыла основную часть пространства «кадра», в основании которого как бы лучи софитов выхватили две большие головы – Карла-Александра и еврея Зюсса (это приближение голов тоже коррелирует с кинематографом). Поразительно, но, несмотря на резкий «негатив» события, трагизм, отчаяние сцены, картинка привлекает красотой своей графики и своей яркой выразительностью. Здесь обнаруживается глубинная идентификация художника-графика с текстом художественного произведения.

Чтобы отвести все подозрения от герцога и главных заговорщиков, все они переезжают из столицы в замок Людвигсбург. В замке суверен устраивает вечер для про-

щания с иностранными участниками заговора и в нетерпении ждет прибытия курьера из столицы с сообщением об успехе путча. Но курьер не появляется, и в залах чувствуется некоторая напряженность. Наконец является слуга и сообщает о прибытии курьера, который ждет хозяина во флигеле. Вдвоем с Зюссом герцог почти бежит туда и... вместо курьера видит депутацию от сейма, которая докладывает, что в стране была попытка совершить переворот, но ее удалось предотвратить. Теперь столица полностью защищена от войск предателей и иноземцев.

Для герцога это было громом с неба ясного – полный провал переворота! Лицо «помазанника божьего» перекошилось, глаза выкатываются, он хрипит и валится на пол. Депутаты в страхе убегают, а Зюсс поднимает онемевшего хозяина, усаживает его в кресло и со всею силой ненависти начинает свою отповедь, перечисляет ему его пороки, преступления и прежде всего – убийство Наэми, говорит ему, что он – ничтожество и «бедный, жалкий шут», а он, Зюсс, – вершитель его судьбы и его кары.

Идентификация художественного образа изображения с образом текста

Вот эта трагидраматическая сцена и запечатлена на иллюстрации. Слева мы видим голову несостоявшегося короля Карла-Александра: этот «сверхчеловек», бравый вояка, деспот и хам, «сексигигант», не стареющий и никогда не утоляющий свою похоть, в мгновение ока превращается в жалкого (хотя еще и злобного), бессильного и умирающего старика. Теперь он уже заслуживает жалости и сострадания... Только Зюсс на это сострадание не способен. Он продолжает свои яростные обвинения.

Сам же обвинитель в этой сцене тоже уже совсем не тот блестящий, пышущий здоровьем баловень судьбы, а заметно постаревший, злобно-мрачный и какой-то «скрюченный» мужчина. А его ярость выдает даже рука, похожая на когтистую конечность хищного животного. И все-таки писатель и художник видят в Зюссе человека, которого нельзя не пожалеть. Ведь хотя убийца и наказан, но дочери-то не вернешь! К тому же оба автора прекрасно знают, что непосредственно за происходящей сценой этот человек начнет своей крестный путь моральных и физических мучений.

Через несколько минут Карл-Александр умирает. Вслед за этим начинается последняя, пятая часть романа (у Фейхтвангера это «книга пятая») «Казнь».

Зюсса арестовывают. Он оказывается в камере длиною в пять шагов, где спит на смоченном полу. По нему

шныряют крысы. Кормят его хлебом и водой, ежедневно забивают в перекрёстные колодки. Его пытаются и морально, и физически. Почти сразу он перерождается в грязного, беспомощного, обросшего седой бородой старика. Родная мать и другие люди при посещениях не сразу узнают его. Назначенная следственно-судебная комиссия «печёт» тома о преступлениях Зюсса. И хотя нашлись юристы, утверждавшие, что по закону Зюсс не виновен, так как не был госчиновником, а виновны государственные лица, которые по приказу герцога исполняли замыслы его частного советника, судили все же Зюсса, а всех виновных отпустили с миром.

Но как переносит все эти испытания наш (в прошлом далеко не праведный!) «везунчик»? На удивленье мужественно и стойчески. С ним явно произошло чудо перерождения. Тот, для кого целью жизни было получение любой ценой преуспевания, вдруг ради чего-то стойчески переносил мучения и пренебрегал возможностями для спасения. А этих возможностей было несколько. Одна из самых верных состояла в следующем.

Рис. 9. Д.И. Митрохин. «Избиение Зюсса». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангенра «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

Незадолго до этих событий к Зюссу попали документы, доказывающие, что он – рожденный матерью-еврейкой сын фельдмаршала, барона Георга-Эбергарда Гейдерсдорффа, то есть «он по рождению христианин и аристократ». Стоило ему лишь предъявить эти документы, и его бы освободили. Но Зюсс не стал отказываться от своего мнимого еврейства.

Автор книги излагает разные мотивы поведения героя, но не дает мотива однолинейного и твердого. Надо думать, что и в исторических материалах, изученных Л. Фейхтвангером, такого объяснения мотива не было. Ясно только, что перед смертью Зюсс вел себя мужественно и достойно.

Да, Зюсса осудили на казнь через повешение. По всей стране велась тотальная компания по объяснению народу, что он – чудовище, мульти-преступник. Кстати, одним из преступлений, каравшихся повешением, были его (еврея!)

связи с женщинами-христианками. Ненависть к «врагу народа» горела, как пожар. Когда «еврея» перевозили из крепости в столицу, он был вырван у конвоя обезумевшей толпой. От смерти его спасли те же конвоиры, вытащившие его из-под ног разгоряченных изуверов.

Иллюстрация художника усиливает текст Л. Фейхтвангера

Иллюстрация «*Избиение Зюсса*». Художник не изобразил ни крови, ни затаптываний человека. Но позы изуверов и колорит пейзажа вызывают ощущение жутки.

Казнь должна была быть показательной, жестокой, унижительной. В Штутгарте за 147 лет до этого была построена огромная металлическая виселица, которую давно не использовали. Ее отремонтировали, покрасили, покрыли лаком. Построили трибуны. На казнь пришли несколько десятков тысяч человек, соединенья войск. Палачи грубо затолкнули Зюсса в клетку из железа, она медленно стала подниматься к верху виселицы. Толпа глазами впиалась в это зрелище. Мальчишки радостно визжали и хлопали в ладоши. Но внизу еще стояло 10 соплеменников еврея. Хором они кричали иудейскую молитву. Последние слова ее Зюсс из клетки выкрикивал за ними до тех пор, пока петля не сдавила его горло.

Художник выразительно моделирует сцену казни

Иллюстрация «*Казнь Зюсса*». Композиция момента казни весьма впечатляет. Разумеется, художник не нарисовал сдавленного петлёю, посиневшего, с высунутым языком Иосифа. Нет, он рисует холмистую окрестность Штутгарта, ряды солдат, ряды стоящих зрителей, дерево, на которое взобрались дети. Выразительно изображено общее оживление, любопытство. Некоторые участники взирают на происходящее через подзорную трубу. Виселица с клеткой хоть и поднялась до самых небес, но она все-таки находится так далеко, что сама отдаленность смягчает ужас действия.

Иллюстратор ставит графическую «точку» почти одновременно с «точкой» автора.

Однако у автора есть еще и односторонний эпилог. В нем повествуется о том, что евреи выкрали тело Зюсса и с величайшими предосторожностями вывезли его из герцогства в город Фюрт. Здесь на кладбище собрались все живущие там евреи. Они с любовью простились и погребли человека, который совершил по крайней мере один высоконравственный поступок: не считаясь с недовольством герцога, он помог спасти от смерти безвинно осужденного еврея Иезекииля Зелигмана.

Здесь у писателя хотя бы есть намеки утешительного оптимизма, утешения, идущие от солидарности и доброты людей. Это смягчает безысходность и трагическую скорбь романа. Но художник в силу свойственного

его личности «психологическому позитиву», духу оптимизма, бодрости, добра и света всеми иллюстрациями поддерживал и этот робкий оптимизм, и глубокий гуманизм великого немецкого прозаика.

Магистральная работа графика – создание целостного произведения

Но давайте же не забывать и то, что без участия художника книга всякого писателя (и эта книга Фейхтвангера) была бы всего-навсего утилитарным предме-

том, содержащим текст без признаков искусства, эдакой «читалкой». Работа же художника (да еще такого класса, как Митрохин!) превратила ее в произведение высокого книжного искусства. Все вошедшие и не вошедшие в наше описание элементы оформления книги стали наряду с фронтисписом и иллюстрациями составными частями цельного, художественно совершенного организма книги, созданного соавторством писателя и художника. Перечислим не названные нами элементы оформления: суперобложка; рисунки переплета и титульного листа (или титула); шмуцтитулы; буквицы добротного, «сертифицированного» качества.

Так, не будучи лично знакомым с романистом, художник, сотворив свое графическое оформление книги, продемонстрировал единомыслие с писателем, дав пример продуктивного сотрудничества.

Рис. 10. Д.И. Митрохин. «Казнь Зюсса». Иллюстрация в книге Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс». 1935. Издано в 1936.

